

18+

Роберт Кляйн

Немец Поволжья

Часть первая

Дом на Волге

Роберт Кляйн

**Немец Поволжья. Часть
первая. Дом на Волге**

«Издательские решения»

Кляйн Р. А.

Немец Поволжья. Часть первая. Дом на Волге / Р. А. Кляйн —
«Издательские решения»,

«Дом на Волге» это первая часть романа «Немец Поволжья». Действие происходит в период с 1938 по 1940 годы в когда-то существовавшей АССР немцев Поволжья. Герой романа Александр Майер оканчивает техникум механизации сельского хозяйства в городе Маркштадте, получает направление в Саратовский сельскохозяйственный институт, у него есть невеста, и кажется, что впереди долгая счастливая жизнь. Ни Майер, и никто из жителей Советского Союза ещё не знает, что все они живут накануне войны.

© Кляйн Р. А.

© Издательские решения

Содержание

1. Александр и Алиса	6
2. Надежда семьи	14
3. Выпускной вечер и последний спектакль	20
4. Рассказ дяди Жоржа	23
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Немец Поволжья. Часть первая. Дом на Волге

Роберт Александрович Кляйн

© Роберт Александрович Кляйн, 2026

ISBN 978-5-0070-8523-6 (т. 1)

ISBN 978-5-0070-8524-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1. Александр и Алиса

Был первый июльский день тысяча девятьсот тридцать восьмого года. В распахнутых окнах Маркштадского техникума механизации сельского хозяйства зыбился горячий воздух волжской степи, тишину аудиторий нарушали гудки пароходов.

Девятнадцатилетний Сашка Майер только что сдал последний экзамен по предмету «Агротехника». Всё! Теперь свободен!

— Майер, зайдите ко мне на минутку! — сказал директор техникума Гаус, выходя вслед за ним из экзаменационного зала.

В кабинете директора сидели его помощник по учебной части Шмидт, вытиравший мокрое лицо носовым платком, и секретарь Асмус, обмахивавшийся папкой с документами.

— Геноссе Майер! — сказал Гаус, вешая снятый пиджак на спинку стула. — Вы блестяще сдали госэкзамены! Лучше всех из вашего выпуска.

— Все на отлично! — подтвердил Асмус. — «Трактора и автомобили» — отлично, «Сельхозмашины» — отлично, «Ремонтное дело» — отлично. Сегодняшний экзамен комиссия тоже оценила на отлично. Поздравляем!

— Преддипломную практику, если не ошибаюсь, вы проходили на заводе «Коммунист»? — спросил Шмидт, заглядывая в бумаги. — Отзывы заводского руководства очень благоприятны для вас. Кем вы там работали?

— Я был чертёжником в конструкторском отделе.

— Замечательно! Какие чертежи вы делали?

— Копировал те, что мне давали.

— Понятно, — удовлетворённо сказал Гаус. — Так вот, Александр! У нас к вам предложение. Народный комиссариат земледелия выделил нашему техникуму одно место в Саратовском сельскохозяйственном институте. Без экзаменов, со стипендией и местом в общежитии! Мы решили предоставить это место вам, и не сомневаемся, что вы дадите своё согласие.

— Конечно, даю! Надо быть идиотом, чтобы отказаться от такого предложения!

— И я так думаю. Завтра на выпускном вечере мы вручим вам направление вместе с дипломом.

Сашка вылетел на улицу словно на крыльях и чуть не сбил ожидавшую его Алису.

Он подпрыгнул весёлым козлёнком, схватил её и стал кружить по площадке перед тёмно-розовым зданием, похожим на тяжёлый куб.

— Что, что!? Сдал? На отлично?! — сияя счастливыми серо-зелёными глазами, вопрошала Алиса.

— Не только сдал! Мне дали направление от Наркомзема в Саратовский сельхозинститут! Без экзаменов, со стипендией, с общежитием!

— Ой, Сашка! Как здорово! Как я рада!

Алисе шёл семнадцатый год. У неё гибкая стройная фигура, коротко стриженные по последней моде светлые волнистые волосы, изящные бровки, румянец во всю щёку.

— Алиса! Какая ты... красивая!

— Ты только сейчас заметил?

— Нет. Но сегодня ты особенно хороша! Я будто впервые тебя вижу.

Сашка привлёк её к себе и поплыл от чистого юного запаха.

— Что ты! — вскрикнула она, отстраняясь. — Отпусти! Люди кругом!

— Слушай, пойдём на Волгу!

— Прямо так пойдёшь? В костюме и галстукё?! Да и я без купальника. Пойдём лучше ко мне с дедом, я тебя покормлю.

— Родители на работе?

— Конечно! В колхозе сенокос. Их отпустили на два дня. Они неделю как вернулись домой в Паульское. Дедушку оставили на меня. Он один дома.

— Как он?

— Сильно сдал после смерти бабушки. Надолго его оставлять нельзя.

— Ну пойдём! У меня от сдачи экзамена аппетит разыгрался как у ста волков!

И они пошли, взявшись за руки, по жарким ослепительно-солнечным улицам Маркштадта.

— Отгадай, кто я с сегодняшнего дня?

— Инженер?

— Техник-механик по тракторам, автомобилям, сельскохозяйственным машинам и орудиям! Инженером я стану только после института.

— А знаешь, что сказал наш преподаватель Иван Егорович? «Вы, — говорит, — потомки тёмных оборванцев!» Мне даже немного обидно стало.

— Что же тут обидного, если правда? Наши предки приехали на Волгу не за богатством, не за должностями. Баронов и графов, как у прибалтийских немцев, среди них не было. После Семилетней войны они толпами бродили по дорогам Германии без крыши над головой, без клочка земли, без еды, в лохмотьях — кто ж они были? Конечно голодные одичавшие оборванцы! Абсолютно неграмотные — кто б их учил! Вдобавок к этим бедам за мужчинами охотились рекрутёры, хватали и продавали в солдаты в армии германских князьков и корошков и даже в Америку, где шла война за независимость от Британии.

— Знаю. Ведь в воскресенье мы с тобой играем в спектакле «Коварство и любовь», там об этом говорится: «Вчера семь тысяч сынов нашей родины отправлены в Америку... Там было и двое моих сыновей».

— Да. В то время в Германии торговля людьми была самым доходным делом. Представляешь, они даже нашего Ломоносова схватили и продали в солдаты! Приехав на Волгу, немцы элементарно спаслись от гибели! И Екатерина Вторая позвала их не потому, что соскучилась по землякам, не затем, чтобы они научили русских работать, а затем, чтобы заткнуть дыру в границе, через которую совершали набеги степные кочевники. Немецкие колонии были выгодны и немцам, и российскому правительству.

— Я к чему вспомнила, что сказал Иван Егорович? Ты техник-механик, я стану учительницей. Мой отец был так рад и горд, когда я в прошлом году поступила в педучилище. Всем встречным говорил: «А вы слышали? — Моя дочь будет учительницей!» Его прямо распирало от гордости!

— Конечно! Учитель всегда был человеком, перед которым даже седые старцы снимали шапки! Нам с тобой повезло. Мы в нашем народе первое поколение инженеров, врачей, учителей, музыкантов!

— Правда! Если бы не Советская власть, ты бы сейчас не шёл со мной с экзамена в сером костюме, белой рубашке и галстукe, а махал косой на лугу — грязный, потный и вонючий, и ждал бы, когда Лизка и Марийка принесут тебе поесть.

— Скорей всего я был бы пекарем, как мой отец.

— Твой отец был пекарем?

— Да, с десяти лет он был учеником у пекаря Ройша, а потом до четырнадцатого года работал в его пекарне... С перерывом на японскую войну.

— Я даже не знаю, кто такой Ройш.

— Пойдём, я тебе покажу — тут недалеко.

Они пришли к дому бледно-розового цвета в два этажа. Нижний, с небольшими оконными проёмами и треугольными сандриками, казалось кряхтел под весом тяжёлого верхнего этажа с огромными светлыми окнами. К дому прижималась длинная одноэтажная, оштукатуренная и побеленная пристройка с редкими зарешеченными окнами.

— Это же контора кооператива «Пищевик»! — сказала Алиса. — А этот барак их склад.

— До революции здесь была пекарня Герхарда Ройша. Он жил с семьёй наверху, а внизу были всякие хозяйственные помещения: магазин, контора, его кабинет. А в этом бараке выпекали хлеб. Сутками дымили печи, в деревянных ларях замешивали тесто, в них оно подходило, на них же, закрыв крышки, спали рабочие — тесто ведь замешивали на ночь, чтобы к открытию булочных, в них с пылу с жару появлялись саратовские калачи и сдобные булки Ройша. Мой отец работал здесь до того, как его забрали на империалистическую войну.

— Для одной семьи огромный дом! Видно, богатый был мужик.

— Он был миллионер! Отец рассказывал, что кроме хлеба Ройш выпекал какие-то особенные пряники, рецепт которых был его священной тайной. Пряничное тесто закатывалось в дубовые бочки и выдерживалось полгода в холодном подвале при постоянной температуре, помнится, четыре градуса. Готовые пряники поставлялись к столу самого императора Николая Второго! На Ройша работало пять человек, которые заработали ему миллион рублей меньше, чем за десять лет.

— Тот ещё эксплуататор!

— Злодей! Отец уходил на работу в понедельник утром, а возвращался домой в субботу вечером. Миллионер Ройш метался, как пёс, вынюхивая, не обворовывают ли его рабочие, не едят ли тайком его хлеб, или, того страшнее, не уносят ли булки своим семьям. Чтобы люди даже видеть не могли мучного, он кормил их на завтрак кашей, на обед давал лапшу, а вечером — то, что оставалось от завтрака и обеда. От такой кормёжки и постоянного недосыпания отец перед тем, как уйти на войну, ослаб настолько, что не мог поднять мешок муки.

— А куда потом делся этот Ройш?

— Удрал за границу. Думаю, живёт сейчас в Германии. Таким как он Гитлер сильно по душе.

— Хорошо, что удрал.

— Я слышал, что рабочие искали его после революции, чтобы расстрелять.

— Зачем? Руки о таких марать! Они не достойны, чтобы помнили о них! Слава богу, что наше поколение забыло Ройшей!

— Я спрашивал отца, смог бы он расстрелять его. Он сказал, как ты — не стал бы мараться.

— И чёрт с ним! Пойдём скорее к нам, времени уже много, дедушка сидит один, мне его тоже надо покормить.

Александр с Алисой пришли к небольшому деревянному дому, двумя окнами выходившему на улицу. Высокая берёза свешивала перед ним до самой земли зелёную бахрому тонких ветвей. К углу дома примыкали высокие двустворчатые ворота с калиткой в правой створке. Ворота и фронтон дома много лет назад были выкрашены краской, настолько облезшей, что теперь невозможно было определить какого цвета она была.

Перед домом на лавочке в кружевной тени берёзы сидел старик в клетчатой рубашке с чёрной латкой на локте, серых штанах и стоптанных башмаках. На глаза был низко надвигнут козырёк картуза. Корявые пальцы мелко дрожали на тросточке, которую он держал перед собой.

— Что, молодые люди, всё учитесь?

— Учимся, дядя Соломон! — ответил Майер, садясь рядом с ним.

— Умнее бога хотите быть? Нехорошо это! — огорошил дед Сашку.

— Почему нехорошо?

— Потому что всё, что положено знать человеку, он знает без всякой учёбы — его Отец небесный учит. Всё что человеку нужно, он ему даёт, а то, что человек выдумывает — это от лукавого.

— Как от лукавого? Я не понял.

— Например часы! Если бы они были от бога, то росли бы на деревьях, или лежали в шахтах, а мы их выкапывали, как уголь. А раз этого, нет, то они человеческая выдумка. Зачем тебе часы? — Смотри на небо! Встаёт заря, и ты вставай; солнце до середины неба дошло — иди обедай; солнце садится — кончай работу, иди ужинать и спать! Летом день длинный — потому что человеку надо работать, запастись едой на целый год. Зимой наоборот ночи длинные — чтобы человек отдыхал от летних трудов и набирался сил для новых — бог всё предусмотрел. А от вашей учёбы какая польза? Зачем тебе знать, Земля вокруг Солнца ходит или наоборот? Человек стал непомерно горд, хочет превзойти бога. Кончится это плохо, как строительство вавилонской башни. Тогда тоже люди возмечтали добраться до Господа.

— Дедушка, пойдёмте в дом, жарко становится, — прервала его Алиса.

Дед встал и, поддерживаемый с обеих сторон, перешагнул порог калитки.

— Вы где будете? — спросил он внуку.

— В летней кухне — приготовлю что-нибудь поесть.

— Ну и я с вами посижу.

Против крыльца дома горячий, как из печи, воздух шевелил занавеску на двери летней кухни, в которую Сашка смог войти, только сильно пригнув свою тёмно-русую голову.

Справа от входа у окна, в стёкла которого бился целый рой знойно жужжавших мух, стоял обеденный стол, за ним посудный шкаф, вдоль торцовой стены печка с уходившей в потолок цементной трубой; слева висел рукомойник с тазиком под ним, на земляном полу у левой стены лежал деревянный люк погреба.

Дед Соломон сел к столу на крашенный охрой стул, отдышался и продолжил:

— Или вот кричат: «Трактора, трактора!» Зачем нужен трактор, если бог дал коня? Паши на нём, запрягай в телегу: вози сено, снопы, в гости езди, коли делать нечего! Конь — чистое животное, ему не надо вонючего керосина, которым вы землю отравляете. Опять же, чтобы добыть керосин, надо землю изъязвить! А она живая, как мы. Её, как нас, бог создал. Чем кончится? — Через сто лет люди отравят и растерзают её! Бог отомстит им за неё: надоумит давить друг друга тракторами! Или самолёт! Привёл меня бог видеть их в Энгельсе на аэродроме семь лет назад. Смотрю: летит прямо надо мной. Я рукой от солнышка прикрылся, смотрю. На душе нехорошо стало. Вдруг выпал из него человек, маленький как муха, и полетел вниз головой. Я испугался — разобьётся! Молится стал! Глядь, а над ним такая белая штука развернулась, и он медленно-медленно стал спускаться, будто наша собачка Муффи, когда я её на верёвке со стога спускал. Обрадовался я, конечно, что человек не убит, а потом подумал: «А что, если бы с этого самолёта не человека, а бочку пороха сбросили?» В Энгельсе все дома бы снесло! Учёные люди обезумели от гордыни: вот мы до чего додумались! Сила-то какая в нашей власти! Гордыня это. Сами не понимают, до чего они додумались и до чего ещё додумаются. Лет через двести такой порох выдумают, что весь мир снесут!

— Ты, дедушка, о какой жизни мечтаешь? Чтобы только работа, работа, работа? Ни знаний, ни развлечений, ни удовольствий! Зачем тогда и жить!?

— Живут не для удовольствий, а для счастья! А счастье — чтобы вокруг тебя всем было хорошо! Ты здоров, дети здоровы, все родные здоровы, ты наработался, сыт, одет, обут, все твои близкие ни в чём не нуждаются! Волга течёт, степь цветёт, небо синее, воздух лёгкий, сам в тебя просится... Что ещё надо?! Ходи в гости, ешь, пей вино и веселись: на качелях качайся, на саях катайся, музыку на скрипках и трумпетках играй. А главное людей люби и будешь сам ими любим!

— Чтобы все были здоровы, нужны врачи, а на врача надо выучиться, — заметил Сашка.

— Снова вы неправы, молодые люди! Болезни не от микробов, не от несчастных случаев, а от бога! Чтобы быть здоровым, надо жить так, чтобы угодить богу. А вот этому как раз в ваших училищах не учат. Всему учат, даже тому, что никогда вам не понадобится, а самому главному — нет, не учат!

— А что самое главное? Богу угодить?

— А вы не смейтесь, молодые люди! Угодить богу — это значит правильно жить. А кто знает, как правильно жить? Нет сейчас таких учителей, кто смог бы научить правильной жизни!

— Ой, дедушка! Можно подумать, что в ваше время были!

— Представь себе, были! Я учился в школе два года. Учителем, или шульмейстером, у нас был Шнипович — поляк или русский, а может еврей, но по-немецки говорил лучше нас с тобой. Он носил штаны, сшитые будто из матрасовки — в красно-белую полоску. Я был весёлый мальчишка, сильно любил смеяться и сидел на одной скамье с таким же сорванцом, как я — Фридрихом Ленком. Толкаю его и шепчу: «Смотри, Ленк, у шульмейстера сегодня штаны наизнанку». Думал, он прыснет в кулак и на этом успокоится, а он покатился со смеху. Шнипович подошёл, взял его за ухо и говорит: «Ты чего смеёшься, негодяй?» Ленк перетрусил и запищал: «Соломон сказал, что вы штаны на левую сторону надели!» Шульмейстер взял меня за шиворот, выволок к доске, зажал коленями мою голову и отстегал перед всем классом розгами. Стегал от души, изо всех сил, приговаривая: «Я тебе выверну штаны налицевую сторону! Я тебе выдублю шкуру, коль она у тебя зудится!» Вы думаете, я обижаюсь? — Нет! Семьдесят лет прошло, а вспоминаю с благодарностью. Правильно меня отодрал! Потому что сказано в Библии: «Чти отца твоего и мать твою!» А пуще всего чти учителей своих, ибо через них ты и Господа нашего научишься чтить! Я после этого стал кротким и скромным. Урок мне пошёл на всю жизнь! Вот это были настоящие учителя — знали, чему учить и как! Мы прожили жизнь с природой и с Богом! А вы на Бога восстаёте. Плохо вам придётся!

— Мы учимся, чтобы облегчить людям жизнь, чтобы они не болели и не голодали.

— Откуда вы знаете, что облегчит людям жизнь? Для этого надо знать замысел господний? А вам его знать не дано. Нет, молодые люди! Опять в вас гордыня говорит! Будущее знает только бог! Иногда, очень редко, он открывает его избранным! Эти избранные предупреждают людей, ходят по миру с проповедями, пишут священные книги. Но чаще всего, их глас остаётся гласом вопиющего в пустыне. Простым людям дана свобода верить святым проповедникам или не верить. Верят немногие. Большинство же не узнают в их проповедях глас божий, и остаются во тьме и грехе.

— Греши, не греши, предсказание всё равно сбудется, иначе оно не предсказание, а обман.

— Нет! Ты, Алиса, не права! Грех бежит впереди предсказания, а беда, которую предсказывают пророки, следствие греха. Не греши — и не будет худых предсказаний. Если люди верят, раскаиваются, искренне молятся, зачем богу карать их!?

— Дедушка, ты говоришь странно, намекаешь на какие-то беды. Ты их знаешь? Ты избранный?

— Кто же это знает? Божье слово чувствуют не умом, а сердцем. Бог ли через меня говорит, или дьявольская гордыня во мне — сам не знаю. Но я в последнее время часто стал смотреть в небо. Не хочу, а взгляд устремляется против моей воли. И вижу я, что небо стало не таким, как раньше. Что-то произошло. Не пойму, что, но чем дольше смотрю, тем сильнее тревога! Тяжёлые времена нас ждут. Вот ты, Алиса учишься, радуешься, родители твои радуются, что дочь их станет учёной, а я не радуюсь. Лучше бы ты отцу с матерью помогала по хозяйству. Или твой двоюродный брат Андрей Юстус. На музыканта учится! всю жизнь собирается в трумпетку дудеть! Разве это работа для мужчины?! Стыд и срам! Мужчина должен в поте лица добывать для семьи хлеб насущный. А в трумпетки дудеть или на гармошке играть надо в свободное от работы время, для развлечения. А если кто всю жизнь собирается развлекаться, ничего у него не получится, бог его накажет.

— Андрей не себя будет развлекать, а других. Музыка украшает жизнь. Андрей учится делать жизнь людей красивой и приятной.

Алиса, как белка, спустилась по лестнице в погреб и достала пузатый глиняный горшок, сразу запотевший, едва он очутился на столе; нарезала в кастрюлю зелёного лука и укропа, налила из горшка простокваши, принесла из дома хлеб.

— Что бог послал! Для такой жары лучшей еды не придумаешь, — сказал дед.

— Давай, дедушка, налью тебе в твою тарелочку. А ты, Сашка, сам наливай сколько хочешь.

— Ешь, Александр! Пока у нас нормы нет, — сказал дед, — а дальше, что бог даст. Так я к чему речь веду? Самое главное, чему надо научить человека — слышать бога. Без этого все ваши знания ничего не стоят и будут вам не во благо, а во зло.

— Дедушка, где ты таких мыслей набрался? Слушать тебя как-то странно.

— Давно живу, внучка. Много думал. Думка к думке — вот и пришло понимание.

Втроем съели каравай хлеба и выхлебали двухлитровую кастрюлю простокваши с зеленью.

— Вот видите, чем хороша простая народная еда, — сказал старый Соломон, — быстро, без выдумок, все сыты и довольны! Воистину, бог послал! Вы куда сейчас?

— На Волгу пойдём, искупаемся!

— Ну идите, а я полежу часок. Бог даст, вздремну.

Через два часа Сашка с Алисой были на небольшом мысе, огибаемом Волгой. За их спиной зелёными клубами поднимались в выгоревшее до белизны небо заросли ивы; перед ними меловыми обрывами возвышался над речной синью правый берег.

За их спиной зелёными клубами поднимались в выгоревшее до белизны небо заросли ивы; перед ними меловыми обрывами возвышался над речной синью правый берег.

Сашка, успевший заскочить домой и переодеться, в одних трусах стоял у края воды; под кустами валялись его рубашка и старые брюки. Алиса в синем купальнике сидела, опустив ноги в воду.

— Ты когда-нибудь переплывал Волгу? — спросила она.

— Первый раз три года назад с братом Фёдором, когда он женился на Ирме. Был такой же жаркий день, и он позвал меня купаться — видно кровь молодая играла: «Давай, — говорит, — братишка наперегонки!» И мы поплыли. Я не отставал. Мы так увлеклись, что не заметили, как доплыли до того берега.

— И кто победил?

— Он, конечно. Признаться, я ему поддался — не захотел огорчать брата в медовый месяц. После этого каждый год переплываю по несколько раз.

— А ну за мной! — неожиданно вскочив, крикнула Алиса и бросилась в воду.

— Ты что! Куда, сумасшедшая!? — крикнул Сашка и прыгнул следом.

— Ух, как хорошо! — кричала Алиса в восторге. — Какая вода!

— Давай вернёмся, пока не поздно!

— Ни за что! — вопила она, смеясь.

— У тебя не хватит сил!

— Хватит! Ведь ты рядом!

— Упрямая! Держи на выступ скалы! Учитывай, что течение сносит!

— Знаю! Плавала!

— Тогда молчи, береги силы!

И они плыли долго-долго, а над ними на воздушных волнах плавали в выпцветшей небесной лазури степные орлы и удивлённо смотрели на мелькавшие на невыразимо прекрасной синеве Волги малюсенькие руки отчаянных пловцов.

Чем ближе были меловые кручи нагорной стороны, тем реже становились взмахи Алисиных рук. Сашка подплыл к ней:

— Отдохни, не спеши! Представь, что ты просто купаешься. Берег близко, ничего не бойся, я рядом!

— Я выдержу. Я ничего не боюсь, — сказала она сбивающимся голосом.

— Подожди, отдохни, полежи на спине, я тебя поддержу.

— Что ты! Оставь, я не устала.

— Осталось совсем немного.

— Я вижу.

— Ещё чуть-чуть... Уже берег в воде отражается. Держись за меня!

— Я сама!

— Сейчас! Я уже достаю до дна!

— Я тоже!

— Вставай! Давай руку.

Сашка уже твёрдо стоял на ногах.

— Всё! Мы доплыли! — сказал он, вытягивая Алису из воды.

А она, едва отдышавшись, закричала:

— Ура! Я переплыла Волгу! Слышите, чайки и орлы!? Я переплыла Волгу!

И орлы отвечали ей клёкотом, и чайки счастливо смеялись, носясь над водой.

— Сашка! Я переплыла Вооолгу!

— Слыыыы-шууу!

— Я посвящаю свой заплыв тебе! Окончанию техникума!

— А я посвящаю свой тебе! Потому что я люблю тебя! Слышите вы, чайки, орлы, ястребы?! Все, кто живёт на этой земле!? Я люблю Алису!

А Алиса восторженно закричала.

— А я люблю Сашку! Завидуйте мне!

— Алиса! Будь моей женой!

— Буду! Обязательно буду!

Он обнял её и привлёк к себе.

— Пойдём к родителям и объявим.

— Не обижайся, но... Не будем торопиться... Мне только в октябре будет семнадцать. Мои родители... У них старые взгляды! Они не согласятся. Не огорчайся, ведь у нас всё впереди. Через год и три месяца я стану совершеннолетней. Ведь ты не разлюбишь меня к тому времени?

— Конечно нет! Пусть будет так, как ты хочешь.

— Господи! Какая жизнь впереди! Она будет долгой и счастливой! У нас будут дети!

— Мы будем работать!

— Ходить в кино!

— Купаться в Волге!

— Играть в народном театре!

— Жииить!

2. Надежда семьи

Дом Сашкиных родителей был обычным маркштадтским домом, то есть не утопал в зелени палисадника, а выходил торцом с синим фронтоном и двумя добрыми глазами-окнами непосредственно на улицу. Вечером окна, как веками, закрывались голубыми ставнями, и дом спал до утра. В невыносимую летнюю жару ставни оставались закрытыми и днём.

Дом прочно стоял на массивном кирпичном фундаменте, был выкрашен в тёмно-зелёный цвет, также как широкие ворота с калиткой.

Когда вернулся Сашка, в доме садилась ужинать. Мать разливала по тарелкам суп со стручками молодой фасоли, загущённый подрумяненной мукой. Отец, улыбаясь в седеющие усы, вышел из комнаты и пожал руку:

— Поздравляю с окончанием техникума! Мария и Лиза уже сообщили.

Подошла и мать, поцеловала в щёку.

— Слава богу. Садись скорей к столу! Заждались тебя. Наверное, опять с Алисой гулял?

Двенадцатилетняя Лиза и десятилетняя Мария, нетерпеливо крутясь у стола, восхищённо смотрели на него.

— Мама, папа, он сдал на отлично!

— Вы уже сказали. Берите пример с брата, а то у вас одни тройки!

— Только по арифметике! — Мария скорчила обиженную рожицу.

Отец подошёл к своему месту и, сложив руки, беззвучно зашевелил губами. Все, стоя, последовали его примеру. Сашка давно был равнодушен к этой традиции, но не хотелось огорчать истово верующих родителей.

Закончив молитву и несколько секунд постояв неподвижно, отец сел, взял краюшку хлеба и зачерпнул первую ложку. За ним стало есть всё семейство.

— Я лучше всех сдал. — похвастался через несколько минут Александр. — Мне от Наркомзема дали направление в Саратовский сельскохозяйственный институт на факультет механизации! С общежитием и стипендией!

Мать вздрогнула, отложила ложку и уставилась на Сашку округлившимися серыми глазами:

— И ты согласился?

— Конечно! Завтра будет выпускной вечер, нам вручат аттестаты, а мне ещё и направление.

— И сколько будешь учиться?

— Пять лет.

— Ещё пять лет! Господи! Ждали-ждали... Думала: закончит учёбу, будет работать, нам станет полегче, и вот опять... Сначала на Фёдора надеялись, а он женился и уехал. Ты был последней надеждой...

— Мама, ну что ты! Я стану инженером, буду хорошо зарабатывать. Моя учёба оправдается!

— Когда ты станешь инженером!? Когда будешь зарабатывать!? Я не доживу! Вся жизнь, вся жизнь прошла в нищете! И подохнем в нищете!

— Что ты, Катрин! — возразил отец. — Живём как все, сейчас, слава богу, не голодаем.

— Не голодаем! — передразнила мать. — Сейчас не голодаем! Но едим и оглядываемся: не съели ли лишнее, не объели ли детей. У Ройша работал — голодали, потом два года на японской войне. Билась, как рыба об лёд, чтобы заработать и не умереть с голоду. Жила надеждой: ты вернёшься, заживём! Вернулся. Опять у Ройша. Денег нет, ели, что ты от своего обеда приносил. Опять война — уже на три года ушёл. Пошла в служанки к судовладельцу Брауну. Смотрела, как хозяева обжирались и ненавидела их, а однажды не выдержала и сказала: «Мой

муж в окопах вшей кормит, а вы жрёте белый хлеб, фрукты, пьёте вино и думаете, чего бы такого сожрать, чего раньше не жрали! И даёте деньги на войну, чтобы она продолжается бесконечно!» Бросила им в лицо свой фартук и ушла. Как я тебя тогда ждала! А от тебя ни одной весточки! За три года...

— Ты же знаешь... Турки окружили нас в горах. Мы съели все ремни, ослепли от солнца и блеска снегов...

— А после революции, когда мы перебрались в Розенгейм к моим родителям на землю... Хорошо ещё наш дом в Марксштадте не стали продавать.

— Да... Мы так радовались!

— Недолго радовались! Тебя опять забрали в армию. Я осталась уже с четырьмя детьми. День и ночь молилась, чтобы ты вернулся.

— И бог услышал твои молитвы... Особенно в ту ночь под Варшавой, когда за нами гнались поляки...

— Потом двадцать первый год, когда у меня умерли мать, потом отец... Не успели опомниться, уже тридцать третий, еле-еле продали дом за мешок пшена и бежали куда глаза глядят. Голод, голод и голод. Вот третий год только не голодаем. Я старею, ты болеешь, кто поднимет Лизу с Марией? Фёдор отрезанный ломоть, у него своя семья. Одна надежда была на Александра! А он — опять учиться!

— Сестрёнок не брошу. Буду учиться и работать, — сказал Сашка.

— Много ты наработаешь, учась.

— Такого шанса больше не представится. Жить в Саратове в бесплатном общежитии... Получать стипендию... Я бы всю стипендию отдавал вам...

— Тебе бы самому на неё прожить!

Лиза с Марией доели свой суп, чисто вымакали хлебным мякишем тарелки, а взрослым было не до еды, остывавшей перед ними.

— Ты что молчишь, Эдуард? — обратилась мать к отцу. — Скажи своё мнение!

— Я очень хочу, чтобы он учился, — ответил отец.

Это был плохой знак. У отца была привычка высказаться за одно, и сделать вывод, что надо поступить точно наоборот.

— Александр, ты молод, у тебя всё впереди. Мне скоро шестьдесят, работать мне всё трудней — уже сейчас задыхаюсь, мать тоже не работница. Пройдёт семь-восемь лет, девочки вырастут, дай бог, выйдут замуж, станут работать. Тебе будет двадцать шесть — двадцать семь лет — будет ещё время выучиться.

— А если меня возьмут в армию?

— В армию и из института заберут.

— Так что? Отказаться от направления Наркомзема?

— Думаю, пока надо отказаться.

— А я Гуасу сказал, что только идиот может отказаться от такого предложения.

— Александр, ты молод, слава богу не глуп, всё успеешь. Жизнь большая.

— Да, отец, жизнь большая. Только никто не знает, как она завтра повернётся!

Утром пришла Алиса:

— Сашка, ты что такой хмурый?

— Жара! Всю ночь не спал. Выходил на двор, обливался водой, так и не заснул.

— Я тоже мокрой простынёй укрывалась. Но ты не из-за этого такой.

— Какой такой?

— Как в воду опущенный.

— Ты права. Накрылась моя учёба! Все мечты коту под хвост!

— Как!? Что ты!?

— Родители против! Надо семье помогать.

- И ты согласился с ними!?
- Куда денешься! Мать даже расплакалась, услышав, что я хочу ещё пять лет учиться.
- А отец? Он ведь понимает, что значит в наше время образование!
- Он просит сначала Лизу с Марией поднять... Потом, говорит, учись сколько хочешь...
- Саша! Не слушай их! Учись, учись! У тебя будет новая жизнь! Такие возможности откроются! Станешь инженером, будешь работать... Да где хочешь — в Саратове, Куйбышеве, Москве...
- Как же я могу их не слушать?! Ведь они мои родители.
- Жаль, как жаль! Давай, я с ними поговорю.
- Бесполезно.
- Пойдёшь отказываться?
- Александр вздохнул:
- Придётся.
- И когда пойдёшь?
- Надо прямо сейчас, чтобы успели другому отдать направление.
- Эх, Сашка, Сашка! Своими руками отдаёшь своё счастье! Я с тобой пойду.
- Директор техникума был на месте:
- Да, геноссе Майер, удивили вы меня! — сказал он, выслушав Майера.
- Я бы с удовольствием пошёл учиться дальше, но семейные обстоятельства таковы...
- Отец часто болеет, у меня две маленькие сестры, их надо учить...
- Я вас понял. Ну что же, мы дадим вам направление в МТС в Л... Может и к лучшему. Приобретёте практические знания, которые вам в жизни несомненно пригодятся. А потом... В нашей стране для человека все возможности открыты.
- Алиса ждала Сашку в коридоре:
- Ну что, отказался?
- Отказался. Как-то даже легко стало. Ничего ведь не произошло. Я для того и учился, чтобы работать. Дали направление в Л... в МТС. Приступить к работе через неделю.
- Это далеко?
- От Маркштадта сто километров.
- Как много! Мы станем реже видеться. А я уже привыкла встречаться с тобой каждый день.
- Я тоже. Но что делать?
- Выдержим. Говорят, любовь от разлуки крепнет.
- Конечно. Я буду приезжать.
- Они вышли на улицу.
- Душно! Приду домой, а дедушка скажет: «Так жарко, как сегодня, ещё не было!» Он всегда так говорит: зимой, что так холодно никогда не было, а весной, что Волга никогда так широко не разливалась; снег пойдёт — скажет, что такого снегопада за всю жизнь не видел.
- Хороший у тебя дедушка.
- Да. Я его люблю, хотя не согласна с его взглядами. О чём не заговоришь, он всё сводит к божьей воле: «Почему так?» — «Потому что бог устроил и тебя не спросил».
- Я заметил, у него от природы крепкий ум и видно, что много думал о жизни.
- Он потому и работал всю жизнь физически, чтобы было время размышлять. Говорит: «Тащишь мешок на горбу, а голова-то свободная!»
- И всё же старым людям, даже самым умным, не хватает образования. На одном своём уме далеко не уедешь. Уму нужна пища, а для этого надо много знать, читать, сопоставлять мысли великих людей и делать свои выводы.
- Уф, как жарко!
- Слушай, Алиса, пойдём в Екатерининский сад, там хоть тень есть.

— Я бы с удовольствием, но родители в колхозе, дедушке нездоровится, надо ему приготовить поесть.

— Приходи тогда на выпускной вечер.

— А можно?

— Конечно можно!

— Приду, если дедушке не станет хуже.

— Тогда до вечера?

— До вечера! — и она, чуть привстав на цыпочки, чмокнула его в щёку.

— Я зайду за тобой.

— Хорошо.

— Подожди!

— Что?

— Не знаю. Просто не нагляделся на тебя...

— Пойдём тогда ко мне. Порепетируем «Коварство и любовь», — предложила Алиса.

— Эх! Не могу. У отца с матерью выходной, они ждут меня крышу отремонтировать — с весны протекает.

— Тогда иди.

— Как не хочется с тобой расставаться!

— И мне... А надо.

— Кто сказал, что надо?

— Ты сказал, что крыша протекает.

— Крыша подождёт.

— Ты сказал, что тебя родители ждут...

— Я передумал. Пойдём в Екатерининский садик!

— Пойдём.

Пришли в городской сад к постаменту, на котором ещё недавно стоял трон с восседающей на нём Великой Екатериной¹, держащей в правой руке свиток указа о приглашении в Россию немецких колонистов.

¹ Памятник был демонтирован в 1931 году.

Так выглядел памятник Екатерине II в Марксидате до 1931 года. Памятник был восстановлен 29 сентября 2007 года

В тени огромного старого дуба Сашка остановился и сказал:

— Алиса! Знаешь, что я больше всего хочу?

— Не знаю, но догадываюсь...

— Да, я хочу поцеловать тебя. Можно?

Алиса оглянулась:

— А никто не увидит?

— Сейчас даже птицы не летают, и мухи попрятались, не то что люди...

— Тогда можно, — сказала она почему-то шёпотом.

И они долго целовались под сенью старого дуба, и время для них остановилось.

— Как хорошо! — сказала Алиса.

— Oh Augenblick! Verweile doch!²

И Сашка к неудовольствию родителей пришёл домой только к обеду...

В то время как Сашка с отцом меняли разбитый лист шифера на крыше, из-за Волги, меча в землю сверкающие клинки молний, со злым грохотом поднималась чёрная туча. Они едва успели закончить работу и спуститься вниз, как подул свежий ветер, пахнувший травами заречной степи и волжской влагой. В небе что-то взорвалось, рассыпалось, раскатилось, и тут же хлынул дождь.

² Остановись мгновенье!

В семь часов Майер, как обещал, зашёл за Алисой. С висячих веток берёзы, с крыши дома, летней кухни и пригона стеклянными бусами падали капли прошедшего дождя. Ушедшая туча глухо ворчала на востоке, выглянувшее солнце, разрисовало её яркой радугой.

Кроме Алисы и деда Соломона в доме был мужчина лет пятидесяти, седой, пучеглазый с глубокой вмятиной рядом с острым кадыком.

Сашка поздоровался, и он ответил скрипуче, как скворец с весенней ветки:

— Здравствуйте, молодой человек!

— Александр, это мамин брат дядя Жорж. Он приехал в отпуск из Киева. Дядя, — это мой друг Саша Майер.

— Не сын ли Эдуарда Майера?

— Да, моего отца зовут Эдуард Людвигович.

— Мы воевали вместе с ним на турецком фронте, а потом служили в Конной армии Будённого. Бились с белополяками, дошли до самой Варшавы.

— Он о вас ничего не рассказывал.

— Ну что же! Может, так и надо — рассказывать друг о друге как можно меньше.

Сашка удивился, но ничего не ответил.

Алиса была необычайно хороша. На ней было лёгкое белое платье в крупный горошек, на ногах белые носочки и чёрные туфельки.

— Слушай, Алиса, — сказал Сашка, когда они, старательно обходя лужи, направились к техникуму, — отчего у твоего дяди такой шрам? Он похож на след пули.

— У нас в семье об этом не любят говорить. Я мало что знаю. Но однажды я нечаянно услышала, как об этом говорили мать с отцом. Я поняла, что горло дяде прострелил Рихард Клотц.

— Рихард Клотц! Герой Гражданской войны! Прославленный чекист! Председатель...

— Т-с-с! Поклянись, что забудешь, что я тебе только что сказала!

— Уже забыл!

— Дядя чуть не умер. Потерял много крови. Каким-то чудом пуля не задела гортань и сонную артерию. Едва оправившись, он уехал на Украину и работает сейчас в Боярке под Киевом.

— Боярка — это же станция, где Павка Корчагин...

— Да, да, та самая.

— И кем работает твой дядя?

— Просто рабочим на железной дороге.

— За что же Клотц стрелял в него?

— Саша! Всё! Я тебе больше ничего не скажу! А, сказать по правде, сама не знаю. Но ты, пожалуйста, не говори отцу, что дядя Жорж приехал и ничего не спрашивай.

— Хорошо, хорошо, я уже придушил своё любопытство!

— Только ты не подумай! Мой дядя не враг. Может ведь и герой Гражданской войны ошибаться и стрелять в своего.

— Я не сомневаюсь, что дядя Жорж не враг.

3. Выпускной вечер и последний спектакль

Перед тёмно-розовым зданием техникума стояло несколько легковых автомобилей, вокруг которых, со скучающим видом ходили их водители: одни курили, другие внимательно поглядывали на подходивших людей. Пахло табачным дымом и бензином.

Здание техникума механизации сельского хозяйства в Маркштадте

В фойе толпились преподаватели в строгих костюмах и галстуках, выпускники в торжественно-белых рубашках. В открытые окна вливалась приятная прохлада со свежими запахами дождя, мокрых листьев и травы.

— Сашка! Ты слышал? Начальство приехало нас поздравлять! Сам Рихард Иванович Клотц! — сказала подошедшая к ним Фрида Гюнтер, единственная девушка выпускница мех-техникума, высокая, сильная, с крупными чертами лица и копной кудрявых волос. — Это правда, что ты отказался от направления в институт?

— Правда.

— Ну и дурак! А знаешь, кто взял твоё направление? Костя Винтерголлер!

— Да и на здоровье!

— Так ведь он дурак похлеще тебя!

— У тебя все дураки, надо же среди них выбрать одного! — А ты куда смотрела? — накинулась Фрида на Алису.

— Разве она нянька мне? — сказал Александр.

— Она будет твоей женой, кому же, как не ей, смотреть за тобой!

— Всё-то ты, Фридка, знаешь! Кто тебе такое сказал? — сверкнула на неё глазами Алиса.

— Зачем мне говорить? Разве не видно, как вы друг на друга смотрите? Ты не обижайся. Сашка меня знает и не обижается, я всем говорю, что думаю — привычка такая. Даже преподавателям. Помнишь, Сашка, как Вольдемар Августович мне сказал: «Что ты, Фрида, сегодня такая помятая? Наверное, всю ночь под кем-то лежала?» А я ему ответила: «Я вам сейчас дам по физиономии, уйду, и вы будете объяснять начальству, почему я не хожу на ваши занятия».

— И что?

— Проучила его — с тех пор обходит меня стороной.

— Пойдёмте, актовый зал уже открыли! — сказал Сашка.

На сцене зала стоял стол президиума, накрытый красным сукном. За него сели пять человек. В центре оказался крупный мужчина с неровно поседевшей, когда-то рыжей шевелюрой, с белёсыми бровями и ресницами, с красным лицом, изборождённым глубокими морщинами и небольшими глубоко посаженными глазами — всеми фенотипическими признаками немца. Встретишь такого где-нибудь в Занзибаре, непременно подумаешь: «Немец, ей богу, немец!», — и окажешься прав.

Когда утихли радостные аплодисменты, поднялся директор техникума:

— Товарищи выпускники! Поздравляю вас с окончанием техникума! Сегодня вы получаете дипломы, которые, надеюсь, станут для вас путёвкой в новую интересную и счастливую жизнь! — после этих слов все опять захлопали в ладоши.

— Товарищи, рад вам сообщить, что наше торжество почтил своим присутствием ветеран борьбы за Советскую власть, герой Гражданской войны товарищ Клотц. Пожалуйста, Рихард Иванович, вам слово!

Пока длились совершенно искренние аплодисменты, потому что Рихарда Ивановича в республике действительно уважали, он снял пиджак, повесил его на спинку стула и вышел на край сцены, небрежно, засунув левую руку в карман брюк.

— Приветствую вас, мои молодые друзья! — сказал он, хриплым, но сильным голосом. — Сегодня особенно светлый и радостный день не только для вас, но и для меня, старика. В конце жизни невольно задаёшь себе вопрос: зачем ты жил, не зря ли бременил эту землю? И сегодня я уверенно отвечаю себе: нет, не зря! Вот я смотрю на вас и вижу красивых молодых людей, умных, культурных, образованных, совсем не похожих на нас — ваших отцов и дедов. Советская власть дала вам самые передовые знания, вы владеете могучей техникой. Мы не могли даже мечтать об этом! И я говорю себе: в том, что вы такие, есть и капля моих заслуг, капля моего труда. Мы не щадили врагов, ещё больше не щадили себя. И я счастлив, осознавая, что передал наше дело в ваши надёжные, верные руки! Вы — это наше оправдание. Раз мы вырастили такую молодёжь, значит правы были мы, а не наши враги... Но мы создали только условия, расчистили вам почву. Ваша задача вырастить на этой почве богатый урожай. Построить здесь, на волжской земле, на всей Советской земле такую жизнь, какой не знал ни один народ на свете, какой не знала история! Дорогие мои товарищи, это будет богатая жизнь, полная радостного труда, справедливого, братского отношения людей друг к другу. О такой жизни мечтал Владимир Ильич Ленин, мечтает наш великий вождь товарищ Сталин, вся наша большевистская партия. Я немножко завидую вам — вы будете в этой жизни. Я увижу только её начало, и то — маленький кусочек. Но я всё равно счастлив, потому что могу сказать, как Николай Островский, что всю жизнь и все силы отдал борьбе за освобождение человечества. А сейчас, мои юные друзья, позвольте мне приступить к обязанности, ради которой я сюда приехал, и вручить вам дипломы об окончании техникума.

Клотц вернулся к столу президиума, где лежала стопка синих корочек.

— Геноссе Майер! — произнёс он торжественно и вопросительно оглядел зал.

Сашка, не чувствуя своего тела, пронёсся по залу и, в два прыжка взлетев на сцену, оказался перед Клотцем. Прямо на него смотрели воспалённые красные, бесконечно усталые глаза.

— Поздравляю тебя, Александр, и желаю работать так, чтобы ни один трактор и комбайн не простаивали даже минуты из-за поломок!

— Спасибо! Я постараюсь! — ответил Сашка, крепко пожимая протянутую ему холодную руку старого большевика.

— Геноссе Винтерголлер! — раздалось со сцены, едва Сашка сел рядом с сияющей Алисой. — Я вручаю вам вместе с дипломом, как лучшему выпускнику техникума, направление от Народного комиссариата земледелия АССР Немцев Поволжья в Саратовский сельскохозяйственный институт.

— Твоя путёвка, Сашка! — тихо сказала, наклонившись к его уху, сидевшая справа Фрида.

— Фрида Карловна Гюнтер! — выкликнул Клотц.

— Здесь я! — крикнула Фрида, вскакивая, и пошла к сцене с такой мощью, что те, мимо которых она проходила, почувствовали лёгкий ветер.

— Вот это новая советская женщина! — сказал восхищённо Клотц. — Вторая Паша Ангелина!

— Нет, Рихард Иванович! Я первая Фрида Гюнтер!

— Молодец! У вас правильная жизненная установка! Надеюсь ещё услышать о вас!

4. Рассказ дяди Жоржа

На следующий день Майер пошёл к Алисе. После вчерашнего ливня в воздухе ещё держалась прохлада.

На крылечке стоял дядя Жорж:

— Алиса недавно заснула, — сказал он, — отцу всю ночь было плохо. Думаю, не надо её будить.

— Тогда я пойду. Когда проснётся, скажите, что я приходил. У нас сегодня вечером спектакль.

— Погоди, Алекс, поговори со мной. Расскажи, как прошло мероприятие?

— Нормально. Вручили дипломы. Посидели, отметили, потом танцы, разговоры, погуляли, пошли на Волгу, встретили рассвет. Ну и... И всё.

— Дипломы кто вручал? Неужели сам Клотц?

— Ну да.

— И как он тебе?

— Обыкновенный человек. Правда очень усталый. Во всяком случае, мне так показалось.

— Отчего тебе так показалось? Если не секрет?

— Не секрет, конечно. Я увидел его глаза. Это глаза бесконечно уставшего человека. И руки у него холодные, как у мёртвого.

— Да. Говорят, что у чекиста должны быть холодная голова и горячее сердце. А у него холодные руки и горячая голова.

— Дядя Жорж, мне кажется, вы его не любите?

— А твой отец?

— Мой отец никогда о нём не говорил. Я как-то спросил, знаком ли он с Клотцем. Он ответил, что знаком. Я этим гордился.

— Гордиться нужно только своими делами. Гордиться отцом, Родиной, тем, что ты немец, как это делают сейчас в Германии... По-моему, это глупо. Разве это твоя заслуга, что у тебя замечательный отец, что ты родился в России?

— Моей заслуги нет. Но... Страна наша строится: заводы, электростанции, колхозы, МТС. Люди живут всё лучше. У нас замечательная страна! Вы считаете, глупо гордиться такой Родиной?

— Это может тебя радовать. Родину надо любить. А гордиться...? Очень сомневаюсь! Вот, если ты сможешь сказать: «Я строил этот завод, я убирал урожай, я сконструировал трактор, я внёс свой вклад, чтобы люди стали счастливее, а страна сильнее», — вот этим ты мог бы гордиться. А гордиться, что был знаком с большим человеком... Гм... Твой отец гордиться, что был знаком с Рихардом? Я, например, не горжусь. Ну знал я его, и что? В чём моя заслуга?

— Он герой Гражданской войны, борец за Советскую власть! Он мне вчера руку пожал... А он этой рукой здоровался с самим Лениным!

— Я тебя понял. Но этой же рукой он прострелил мне горло.

— Ну да... Но...

Сашка начал заикаться: он чуть не сказал, что ничего об этом не знает и не может судить. А из этого дядя Жорж мог сделать обидные для себя выводы: например, что молодой его собеседник допускает, что Клотц стрелял в него не просто так, а имея основания.

— Послушай, Алекс, если у тебя есть время...

— Дядя Жорж, я не люблю, когда меня называют Алекс. Зовите меня Александр, или Саша, лучше Сашка. А время у меня есть.

— Хорошо. Раз есть время, расскажу тебе о нас троих: о себе, твоём отце и Рихарде Клотце. Познакомились мы в пятнадцатом году на войне. В Кавказской армии против Турции

воевало много немцев. Встретить земляка на фронте великая радость, и там вырабатывался какой-то нюх на земляков. Отец твой только что прибыл в нашу роту из госпиталя после ранения. Смотрю: сослуживцев сторонится, и уж больно неразговорчив — за два дня слова от него не услышал. Я сразу подумал, что он не русский. Подошёл к нему: «Здорово, брат! Ты, случайно, не немец?» А он: «Да, немец! С Вольга. Эдуард Майер». — «И я с Вольга, — передразнил я его, — Георг Юстус». Мы обрадовались, обнялись: «Ты откуда?» — «Из Екатериненштадта, — ответил он». — «А я из Паульского!» — «Это же рядом! Земляк! Как я рад!» — «Да и я рад! Я не мог тебя видеть раньше? Я ведь бывал у вас в городе». — «Моего отца звали Людвиг Майер, он крестьянствовал в Розенгейме, но в тот год, когда на Волге были холера и голод, в нашей семье умерли почти все взрослые: дед, мать, отец, две старшие сестры. Осталась одна бабушка. А на руках у неё семеро младших внуков. Ей было шестьдесят пять лет, она чувствовала, что смерть её близка, и рассовала нас по добрым людям. Мне было десять лет, когда она отдала меня в Екатериненштадт в ученики пекарю Ройшу. Я работал у него до самого призыва. Если ты бывал в пекарне или магазине Ройша, то мог меня видеть». — «Ройша я знаю. Юстусы, вечные крестьяне, и мы с отцом много раз продавали ему в Екатериненштадте на рынке пшеницу, но в пекарне у него я не был». — «Я ездил с ним на рынок. Возможно, мы просто не обратили друг на друга внимания». Так я, Александр, познакомился с твоим отцом, с которым до конца войны мы были неразлучны...

— А Клотц?

— Подожди, дойду и до Клотца. Много страшного мы повидали. Видели, как умирали наши солдаты, видели пропахшие кровью, вырезанные от младенцев до стариков, армянские деревни. Армяне ждали нас, как своих защитников, и армия наша наступала быстро — и по цветущим долинам, и среди мрачных гор.

Наконец мы вышли к высоким горам, на вершинах которых лежали вечные снега. Взяли и их. А потом необычно рано наступила зима. Всё засыпало снегом. И турки неожиданно перешли в наступление, наши войска поспешно отошли. Но на одной из гор, со всех сторон окружённый неприятелем, остался наш батальон — около четырёхсот русских солдат и среди них мы с твоим отцом.

Зима в Закавказских горах оказалась лютой — ледяной ветер, глубокий снег. А мы не успели получить зимнюю одежду, и страшно мёрзли в сапогах и летних шинелях. Командиром у нас был капитан Трубников. Он всё подбадривал нас: «Ничего-ничего, русские не бросают своих в беде. Потерпите немного, нас непременно выручат. Главное экономить продовольствие. Не ешь сегодня то, что можно оставить на завтра». Мы слушали и верили — а что нам ещё оставалось?!

Первые несколько дней окружения бушевала снежная буря, и не было видно божьего света. Но однажды ночью ветер утих, высыпали звёзды, и ударил мороз. Взошедшее утром солнце осветило новую, никем из нас не виденную, потрясающую картину. Снежные вершины ослепительно рисовались на тёмно-синем небе. И такими же ослепительно белыми были скаты гор со всеми их складками. Расщелины и пропасти угадывались только по теням, рисовавшимся на бесконечно белом.

Казалось, невозможно наглядеться на такую красоту, но уже через несколько часов у людей начинала кружиться голова. И уже хотелось, чтобы снег был не такой белый, чтобы было больше других цветов: коричневых скал, тёмных туч. А потом солнце взошло выше, всеми силами ударило по снегу и зажгло его. Каждая снежинка раскалывала и отражала солнце. Все цвета радуги ослепительно били в глаза.

Мы старались не смотреть на сверкающий снежный покров, но не смотреть было невозможно, потому что он полыхал повсюду. И даже под ногами снег искрился и жёг глаза. Когда пришёл вечер, мы были пьяными: кружилась голова, глаза слезились и болели. А на следую-

щее утро встало всё то же яркое солнце, и невольно было дожидаться, когда оно уберётся за горизонт. Продовольствие, как ни экономили, кончилось через неделю, и наступил голод.

Капитан Трубников, обходил солдат, снова и снова убеждал нас, что русские своих не бросают и надо потерпеть ещё чуть-чуть. «Держитесь, братцы! Помощь уже идёт!» Однажды кто-то сказал: «Рады терпеть, ваше высокоблагородие, но без еды трудно терпится». Трубников стоял аккуратно против меня. Посмотрел, посмотрел и говорит: «Слушай, Юстус, на тебе ведь ремень кожаный?» — «Кожаный, а что?» — «А то! Кожа, она с животного, значит можно ремень съесть. Давайте, братцы, пока помощь идёт, пожужим сыромятных ремешков!»

Съели ремни. Экономно ели, а помощь не шла. И уже столько ослепших было от горного снега и солнца, а ещё больше помороженных, и уже первые умершие. А по ночам со звёздного неба глядело отчаяние. Люди лежали, прижавшись друг к другу, чтобы было теплее и ждали конца, потому что турецкий плен казался страшнее голодной смерти.

Но однажды утром раскатились по горам винтовочные залпы, и мы увидели под горой своих, родных, русских. «За мной, ребята! Ура!» — закричал Трубников, и мы побежали за ним навстречу нашим. Кто как мог. На обмороженных ногах. Турки разваливались в стороны как масло под ножом. Дождались. Вызвали свои.

Меня с твоим отцом отправили в Тифлис на лечение и отдых. Сильно боялись, что ослепнем, но, слава богу, зрение вернулось. В шестнадцатом году опять на фронт. Попали в наш старый полк, а его командиром был тот самый Трубников, только уже подполковник. В апреле взяли Трапезунд, пошли дальше, а в конце лета прилетел нам с Эдуардом турецкий снаряд, один на двоих, но хватило его обоим. Переправили через море в госпиталь в Крым.

А тут революции пошли. Митинги каждый день, кричали до боли гортанной. Ах, как пьянила свобода! Как бредили справедливостью! Сотни лет терпели, и вот, дождались! Одним рывком можно её достичь. Ещё чуть-чуть. Ещё напрячь мозги и станет ясно, как это сделать. Но не получалось. Чем больше говорили ораторы, тем больше путали, напускали туману. Возвращались в казармы с распухшей головой. Кому верить непонятно, все правильно говорят, да почему-то ненавидят друг друга.

А тут, весной, в светлый месяц май приказ — опять на фронт, снова с турками драться. «Кто приказал?» — «Сам Керенский». — «К чёртовой матери вашего Керенского!» — Ах вы, сволочи! Думаете цацкаться с вами будем?!»

И подошла к казармам конница. Всадники в косматых шапках, глаза зверские — изрубят похлеще турок, глазом не моргнут. Силы неравны. Пришлось подчиниться. Но какую злобу затаили! И всё стало ясно: офицеры проклятое, помещичьи выползки! Разве они позволят мужику землю взять! Ну подождите! Попадём мы с вами в Россию! Теперь не обманете, оружие мы вам, как в пятом году, не сдадим! О, как все ненавидели начальство! Даже мы, немцы, у которых никогда не было крепостного права! Но разве у нас земля справедливо поделена?! Разве у нас нет богатых мироедов и несчастных бедняков? Разве не мучают Ройши таких, как твой отец?!

Но с другой стороны, я чувствовал, что не все офицеры наши враги. Нет, не враг солдатам подполковник Трубников, сидевший с нами в окружении на снежной горе, так же, как мы, съевший свои ремни, бежавший впереди нас на турок!

Мы стояли в обороне, но чувствовали, что готовилось какое-то новое наступление. Временному правительству тоже была нужна победа для самосохранения, хотя бы маленькая. Но лезть под пули, когда революция, когда вот-вот произойдёт долгожданное?! Хоть стреляйте, не пойдём! Туземной конницы на весь фронт не хватит!

И вот тут появился среди нас Рихард Клотц. Он тоже наш, из Екатериненштадта, слесарь с завода братьев Шеферов — нынешнего завода «Коммунист».

— Я знаю, я там практику проходил, — заметил Сашка.

— Он тогда был сухой, костистый; волосы рыжие, кудлатые, глаза жёсткие, глубоко сидящие под рыжими бровями. Он был начитан, политически подкован, от него исходила сила убеждённости. Мы тянулись к нему, потому что, казалось, он всё понимает, всё умеет понятно и просто объяснить. А мы с твоим отцом были его первые друзья по праву земляков и немного кичились этим перед однополчанами.

— Товарищи! — говорил он собравшимся солдатам нашей роты. — Зачем мы здесь? Что мы потеряли в этих знойных долинах и ледяных горах?! Для чего мы умираем десятками тысяч? Для того, чтобы капиталисты набивали карманы, продавая пушки и снаряды.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.